

именно поздним произведениям, таким как «Камедыя» Марашевского; как «гутаркі» XIX в. и т. д.

Со стороны языка и стиля «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» также коренным образом отличаются от предшествующей белорусской литературы. Известно, что в древней литературе тот или иной жанр требовал определенных стилевых средств, — иначе говоря, каждый жанр имел свой, присущий именно ему стиль. Конечно, от этого правила могли быть некоторые отступления. Но в целом этот принцип оставался неизменным. «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» и в этом отношении стоят особняком. Они написаны так образно и лаконично, как только умеет говорить народ. Авторы пользуются живым народным языком, значительно развивают те языковые традиции, которые были заложены в юридических памятниках, продолжены позже в белорусских летописях, в творческой практике Ф. Скорины, В. Цяпинского и др. Произведения пересыпаны народными пословицами и поговорками, яркими сравнениями, например: «увалявся есь у великую славу, як свиня у грась», «хотя з рогатиною на варте стой, в живые очы такого беса не упилнуеш», «а тые копы пострыгут не одного в хлопы», «сивизна в бороде и чорт в лідвах за поесом», «в рот правдою, як солею в очы, кидывали», «а подолок рухаеця, а коло подолка чепляеця» и т. д.

Своеобразна композиция произведений. На первый взгляд может показаться, что в них отсутствует внутренняя логическая последовательность. Так, «Прамова Мялешкі» начинается с обращения к «милостивому» королю, с сообщения, что герой счастливо приехал на сейм «радिति». Вслед за тем герой сообщает, что ранее на таких сеймах никогда не бывал, тем самым будто бы извиняясь за свою неосведомленность. Но уже следующая фраза, в которой утверждается, что «бывало правым сердцем просто говорыли, политики не знали, а в рот правдою, як солею в очы, кидывали», отвергает предыдущее мнение. Из нее хорошо видно, что герой не такой уже и простак, каким себя показывает. Это человек принципиальный и мужественный, который может в любое время «солею в очы» бросить. В дальнейшем повествовании автор много внимания уделяет Сигизмунду III, сравнивает его с Сигизмундом I, высказывая попутно свое отношение и к польским шляхтичам, и к тем людям, в которых «наша костка, аднак собычим мясом обросла и воняет».

Но только при первом знакомстве с «Прамовай Мялешкі» ее композиция кажется такой хаотической. В действительности же «отступления» от главной линии рассуждений не разрушают его композиционного единства. Все в нем подчинено замыслу автора: противопоставить Великое княжество Литовское Польше, белорусский уклад жизни — польскому укладу, вообще все свое — всему иноземному.

«Ліст да Абуховіча» более прост по своему композиционному построению, но и в нем имеется целый ряд отступлений от основной сюжетной линии. Эти отступления связаны главным образом с воспоминаниями о «добром» старом времени, с рассказом о смерти Остика, наказанного за свою шпионскую деятельность, и т. д.

Особенностью «Ліста да Абуховіча» является и то, что он написан в значительной своей части рифмованной прозой. Во многих местах произведения отчетливо чувствуется рифма, например: «Смоленск оддали, то и титул продали», «Москва соболи продовала, всю Русь з людзьми одобрала», «кто заживает, тот ничего не дбаец» и т. д.

Сходно выражение авторских взглядов в обоих произведениях. Во всей предыдущей литературе идея как бы «лежала на поверхности», многие из них заключались дидактической сентенцией. Идея в «Прамове Мялешкі» и